

Краснополянский фольклор
Новеллы Ахчипсы и сопредельных земель

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Все знают солнце Абхазии, ее землю, ее плоды, но мало кому известна история хозяина этой земли - история древнего абхазского народа. Между тем сам народ, памятный и зоркий, рассказал о себе в старинных сказаниях и, главным образом, в великом нартском эпосе.

Если для нас реализм есть вершина литературно-художественного мышления, то поэт-переводчик лишь тогда реалист, когда он воссоздает национальный характер подлинника. Но где же еще в искусстве национальный характер выражен так мощественно, как в народном эпосе?

Абхазы - небольшой народ, но то, что они создали в изустном творчестве - огромно. Имевшие место в древности торговые, культурные и политические связи с греками способствовали тому, что в нартских сказаниях есть эпизоды, сходные с эпизодами из греческой мифологии. Дело ученых установить - где впервые, в Греции или на Кавказе, возник миф о Прометее, миф о похищении огня, мифы о борьбе человека с одноглазыми великанами. Для нас важно то, что абхазы являются народом самобытной культуры. Эта самобытность особенно сильно, особенно выпукло обозначается в абхазском фольклоре.

Мне бы хотелось, чтобы русский читатель, читая эту книгу, почувствовал самобытность талантливого народа. Я благодарю поэта Б. В. Шинкуба, инициатора, вдохновителя этой работы, доставившей мне много радости.
С. Липкин.

О ХРАБРОМ МАНЧЕ И КРАСАВИЦЕ МАДИНЕ

О Манче мы начнем слова.
У Манча было сердце льва,
А имя было всем известно
На родине и повсеместно.
Он был неутомим в ходьбе.
Он был непобедим в борьбе.
Он был уже не очень молод.
Служил земле, и в зной, и в холод.
Была душа его тверда,
"Что скажет — сделает всегда,
Поймаешь — пути разорвет он,
"С ним вступишь в бой — тебя убьет он.
„Давно сородичи его
Жену искали для него,
Но сердце Манча все дремало,
А времени прошло немало.
Летала весть, и не одна,
Что дочь Балюу Мадина
Подобна дивному алмазу,
Но с ней не встретился ни разу.
Однажды возле Цебельды
Скакал он, как лучом звезды
Ее прозваньем озаренный,
Уже в молву о ней влюбленный.
Решил заехать, к ней во двор,

Увидеть светлый, чистый взор
И, если суждено судьбою,
Посвататься, назвать женою.
Коня, что стал строптив и дик.
Что за год от седла отвык,
Он оседлал седлом расшитым,
Во всей округе знаменитым.
Надел он пояс золотой,
Кинжал с чеканкой дорогой,
Башлык на белый снег похожий,
Чубяки из отменной кожи,
Такие, что носок — к носку,
Повесил шашку на боку
Да пистолет, бойца достойный,
И сам — плечистый, гибкий, стройный,
Гарцуя на коне гнедом,
Неспешно свой покинул дом.
Взмахнул он плеткою горячей
И в путь пустился за удачей.

* * *

Семь братьев, а сестра одна.
Жила без горя Мадина,
Жила, не ведая тревоги,
Сырой земли не знали ноги.
Нет солнца — светится она.
Блестит, хотя и не луна,
От братьев, добрых, милых, — слова
Ни разу не слыхала злого!
Она затмила всех кругом,
Чьи косы были под платком.
К ней льнули парни-сердцееды.
Весельчаки и непоседы
К ней сватались из разных мест
Не глядя на других невест,
И сваты со всего Кавказа
На двор съезжались к ясноглазой-
Им не внимала Мадина.
Увидев свата из окна,
Не говорила: «Едет кто-то»,
А говорила: «Едет что-то».

Однажды видит: вдалеке
К ней скачет всадник в башлыке, —
Не больше голубя, примерно,
А конь стремится плавно, мерно,
Он скачет до того двора,
Где братьев семь, одна сестра.
Ах, что за конь, какая грива,
Как приближается игриво,
Как всадник светится светло,
Как ярко вышито седло!
Все ближе конь, все ближе быстрый
Из-под копыт взлетают искры,
Заволновалась Мадина,
В смятенье мечется она,
Взывая к братьям, чуть не плачет:

«Скажите мне, что это значит?
К нам в гости едет верховой,
Как пляшет конь под ним гнедой!
Башлык на белый снег похожий,
Чувяки из отменной кожи,
Такие, что — носок к носку.
Пойдем навстречу к седоку!»

Как сердце у нее забилося!
Стремглав по лестнице спустилась,
Затем, стыдлива и ловка,
Взяла коня у седока,
Коня гнедого привязала,
Дорогу гостю указала.
Шесть ярусов прошли вдвоем,
Затем на ярусе седьмом
Вошли в покой отдохновенья.
Казалось, не прошло мгновенья,
Как приготовила обед.
Семь дней сиял им чудный свет,
Смеялись, пили, веселились,
Мечтами, думами делились:
Друг другу лица и сердца.
Милы, и счастьем нет конца!
Чонгури, что звенел напевно,
Она - взяла и задушевно
Слова заветные свои
Запела голосом любви:

«Кого ждала, о ком гадала,
Того сегодня увидала.
Не долговязый, не черныш,
Не толстомясый коротыш!
Когда б черкескою была я,
К нему приникла бы, пылая,
Когда б рубашкою была,
Его бы грудь я облегла,

Когда б я поясом блеснула —
Я б тонкий стан его стянула,
Когда б я стала башлыком —
Белела б над его челом.
Всегда была бы с ним я рядом, —
Задел он сердце жарким взглядом!

Он подхватил, напев любви:
«Навек в душе моей живи!
Не склонно сердце к многословью,
Когда оно полно любовью,
Моя царица, свет дневной,
Должна ты стать моей женой,
С другого берега, ликуя,
Тебя сюда перенесу я,
А надо — с ношей дорогой
Пойду я на берег другой.
Со мной забудешь ты про холод.
Со мной забудешь ты про голод,

В тебе увидел я жену,
Две жизни мы сольем в одну,
Моей не забывай ты речи,
Прощай — до новой, скорой встречи>.
Был весел Манча-удалец,
Нашел он счастье наконец:
Судьба ему благоприятна!
Он, прежде чем скакать обратно,
Гнедого поднял на дыбы,
Потом объехал все столбы,
Потом вернулся к дому снова,
Заставил он плясать гнедого.
Гарцуя, он покинул двор
И поскакал во весь опор.

* * *

С весельем в дом ввалились сваты.
И пир устроили богатый
Семь братьев и одна сестра:
Пришла замужества пора!
Семь братьев Мадину одели
В блеск золота и ожерелий
И проводили со двора,
Сказав: «Будь счастлива, сестра,
Ты — мужу лучшая награда!» —
Послали вслед большое стадо.
И Маяча наш не сплеховал:
Друзей и родичей созвал,
Устроил пиршество такое,
Что удивилось все живое!
В избытке — вина и еда:
Не съесть, не выпить никогда!
Вода — как лед, вода — отрада,
Из разных видов винограда
Вино там было рождено:
Искрилось белое вино,
В бочонке черное сверкало
И вкус медовое ласкало,
И обходил веселый круг
Пахучий рог, как лучший друг.
Сидели под навесом гости,
Звенела радость в каждом тосте.
Там голос запевал мужской,
Ему подтягивал другой,
Плясали там быстрее бури,
Одни играли на чонгури,
Другие брали апхярцу
И звонко вторили певцу.
Там о невесте были речи:
«О, как сильны, округлы плечи,
Как тонок стан, как высока,
Сама — белее молока.
Кто описать походку может?
А косы? Скакуна стреножит!
А груди — пара голубей,
А голос — нежный соловей,
А кто опишет, кто расскажет,

Как рукодельничает, вяжет,
Как вышивает, а игла
Подобно молнии, светла!
Те, от кого ушла, тоскуют,
А те, к кому пришла, ликут».

Земля ходила ходуном,
Гремели выстрелы кругом,
Там пили, пели по-абхазски,
Кружилась юность в буйной пляске.
Народ валил пять дней подряд,
Чтоб на невесту бросить взгляд,
Сказать привет — сердечный, жаркий,
Вручить -красавице подарки.
Наш Манча наконец женат.
Разъехались и стар и млад,
Разъехались друзья, родные,
Вдвоем остались молодые.

* * *

Вернулся Манча на закате.
Пришла пора для смелой рати,
Шумит абхазская страна:
Пришла война, пришла война!
«Есть ныне важная причина,
Чтоб доказать, что ты — мужчина,
Готовьтесь, воины, в поход,
Нас храбрый Манча поведет!»
Так юноши, бодрясь, кричали,
Вздохали матери в печали,
Душа у девушек смутна:
Пришла война, пришла война!
Светает, — не встает денница,
Дождь не идет, а сумрак длится,
Шумит Кодор в урочный срок,
Да теплый дует ветерок.
Домой в смятенье и тревоге
Вернулся Манча грустный, строгий.
«Какое горе у тебя?»
«Пустяк», — ответил он, любя.
Не отступилась молодая,
Всю правду выведать желая.
«Узнаешь все равно, жена, —
Сказал он, — что пришла война.
Уеду от тебя далеко,
Поэтому грущу глубоко.
Мне гибель не страшна, — сказал, —
Знакома мне война, — сказал. —
Хоть войско не легко возглавить, —
Пойду, чтоб край родной прославить.
Готовлюсь я к борьбе, — сказал, —

А мысли — о тебе, — сказал. —
У братьев семерых сестрою
Единственную, дорогою,
Без горя ты росла, — сказал, —

Судьба твоя светла, — сказал. —
Тебе неведом вихрь жестокий
И слез твои не знали щеки.
Так стать ли мне причиной слез?
Тебе я счастья не принес,
Увы, достоин я едва ли
Мгновения твоей печали!»

Жена сказала: «Что с тобой?
Ты нужен, — так иди на бой.
Не думай обо мне, — сказала. —
Твой край родной в огне, — сказала. —
Иди, тебя зовет народ,
Идя, тебя отчизна ждет.
Себя ты не срами, — сказала, —
Меня ты не срами, — сказала. —
Есть лошадь у тебя, седло,
А меч достать не тяжело.
Ты приготовишь меч и сбрую,
А я — одежду боевую.
Земля отчизны — под тобой,
А за тобой — народ родной,
А рядом — храбрая дружина,
А сам ты — истинный мужчина.
Пойми, что ты счастливей всех,
Я верю, ждет тебя успех.
Будь за меня в бою спокоен:
Ты дела честного достоин.
Отвага родилась с тобой,
А если суждено судьбой,
Пойдешь ты в бой дорогой ратной.
Пойдешь — придешь ко мне обратно».

И Манчи бедная жена,
Тут заметалась Мадина,
Сложила вещи, скрыв тревогу,
Все приготовила в дорогу.
Едва вошло светило дня,
Сел храбрый Маяча на коня,
С ним рядом — братья боевые,
И поскакали верховые,
Дорогу выбрали одну:
Вела дорога на войну.

* * *

Кипеньем воинского стана
Полна Гурахская поляна.
А ну, попробуй меж людей
Просунуть палец ты сумеи!
И царь и войско ждут прихода
Того, чье имя — стяг народа.
Где Манча, где его отряд?
О нем повсюду говорят —
О том, кто вражьей рати страшен,
Чьей доблестью народ украшен.
Примчались триста верховых
Абхазских воинов лихих.

Отважный Манча их возглавил.
Он свой отряд к царю направил.
Стопилась боевая рать,
Чтоб слово Манчи услышать:
«Да будет робкий обесславлен:
Ведь край абхазский окровавлен!
Ворота наши держит враг,

Посевы наши топчет вирах.
Не струсим, земляки, соседи,
Сегодня путь найдем к победе.
Нам храбрость нартами дана,
А предок страха — сатана.
Почетно умереть, как воин,
Но тот презрения достоин,
Кто упадет к врагу спиной, —
Он будет схвачен сатаной.
Умрешь как трус — сгоришь в геенне.
Умрешь героем, — в упоенье
Придут красавицы, в бою
Платочком вытрут кровь твою.
Кто испугался — стой на месте,
Кто смел — борись во имя чести!»

Тут войско двинулось вперед, —
Заволновался небосвод.
Сошлись, две рати на долине,
Мужчина стал лицом к мужчине,
Багровый дым одел поля,
Дышала горячо земля.

Был враг могуч и осторожен.
Вдруг, саблю выхватив из ножен,
Вздымая стяг в руке другой,
Вступил отважный Манча в бой.
Как лев, как волк ворвался в пламя,
В его руке сверкало знамя,
Вокруг сгущались дым и мгла,
А сабля молнией была,
А Манча вспыхнул, словно порох.
Казалось, на земных просторах
Бушует океан огня,

А Манча гнал вперед коня.
Гром прогремел, взвились зарницы, —
Врагов прогнал он до границы.
Семь пуль в ноге, и смерть близка, —
Зовет к отмщению рука.
Сказал храбрец абхазским людям:
«Эй, лишь вперед глядеть мы будем,
Разучимся глядеть назад!
Враги в последний раз грозят,
Три дня пройдет — врагов развеем,
Три дня — и в битве одолеем!»

Он звал друзей, едва дыша,
Возмездья жаждала душа.

Воителя полуживого
Из дыма вывели густого,
Из полыхавшего огня.
Войну прервали на три дня.

* * *

В четверг жене приснилось, будто
На кряже, что сбегает круто,
Она лежит, ей не вздохнуть,
Ей черный ворон сел на грудь,
Когтит ее, — ужасны муки,
И ноги связаны и руки.
Взывает к Манче: «Где мой друг?»
Но тщетно: никого вокруг,
Он далеко, не слышит милый...
Но собрала, страдая, силы,
Рванулась, вырвалась из пут:
Теперь ей помощь подадут!

Присела в страхе на постели.
А слезы сна еще блестели,
Предчувствием тешилась грудь.
Могла ль она в ту ночь заснуть?
Взошла заря алее крови.
Как рассвело, пошла к свекрови.
«Чего ты, дитяtko, грустна?»
Сон рассказала Мадина.
«Твой сон хорош. К чему кручина?
Видать, прошел недуг у сына.
Был ранен, и окреп он вновь», —
Сказала М а дине свекровь.

Вдруг за стеной возникли крики,
Напев сраженья, стон великий.
Шум приближался ко двору,
И мать решила: «Не к добру».
Спросила: «С чем в жилище наше
Пришли вы?» — «С песней о бесстрашье», —
Сказали вестники сперва
И спели горькие слова:
«Манча, Манча, лучший в нашем стане,
Оросивший кровью поле брани!
Он сражался с вражьей силой ратной,
Был он утром ранен семикратно,
До полудня продолжал бороться,
И погиб, не стало полководца!»

У матери в груди рыданье,
Но подхватила причитанье:

«Возвестили мне друзья потерю.
Хоть я женщина, а вам не верю.
Не хочу вас, вестники, обидеть,
Но должна сама его увидеть.
Не скрывайте: если ранен в спину,
Не смогу начать я плач по сыну,
Показать соседям, с кем был дружен...

Может, мертвый, мертвым он не нужен?
Может, честь отца его уроним,
Если сына рядом похороним?»

Сказали вестники страданья,
Продлили слово причитанья:

«Верь нам: пуля в грудь настигла сына,
За народ погиб он, как мужчина».
Мать услышала это слово
И песню подхватила снова:
«Я внимала вашему рассказу.
Почему ж вы не сказали сразу,
Что мой сын скончался, как мужчина,
Не позор для нас — его кончина!
Кто погиб в бою, служа отчизне,
Тот не мертв, тот полон вечной жизни».

Защитника равнин и гор
На бурке понесли во двор.
Дрожит скакун, стучат копыта,
Он ржет уныло и сердито.
Висит оружие на седле.
Лежит покойник на земле.
Жена склонилась к изголовью,
Нашла семь ран с засохшей кровью,
Семь пуль в ноге, одна в груди:
Всегда был Манча впереди,

Всегда глядел он смерти в очи...
Он мертвым в дом вернулся отчий,
И два оплакивала дня
Его печальная родня.
Потом покойника омыли,
И лег он в родовой могиле.

* * *

Погас вечерний небосклон.
Жена вернулась с похорон.
Тиха, бледна и безутешна,
Вошла к себе в покой поспешно.
Поела наскоро она,
Переделась Мадина:
Узнает ли свекровь невестку?
Бешмет надела и черкеску,
Сняла оружие со стены,
Пошла с доспехами войны
И вороного из сарая
Тихонько вывела, вздыхая:
Подарок братьев семерых,
Конь жаждал схваток боевых.
В седло вскочив за поворотом,
Задами двинулась к воротам,
Но передумала потом:
Нельзя ей так оставить дом.
Конь повернулся быстроногий,
Остановился на пороге:

Сидела мать, полужива,
К земле склонилась голова.
Но голову приподнимая,
Узнала сразу мать седая,
Что юный всадник — Мадина:
«Теперь погаснет и луна,

Как солнце сына закатилось», —
Сказала мать и прослезилась.

«Кровь мужа в бой меня зовет.
Как друг его, пойти в поход, —
Сказала Мадина, — должна я.
Не жди ты худших дней, родная, —
Возмездья мы увидим дни
За то меня ты не вини,
Что ты хранишь его одежды,
А я иду, полна надежды».

Взметнулась плеть, и вороной
Помчался по стране родной,
Как дым от выстрела летучий.
А вражья рать нависла тучей.
И чтобы тучу ту прогнать,
Абхазы в бой пошли опять.
Ночная поднялась завеса.
Ни у кого нет перевеса.
Друг другу смерть несут бойцы,
Лежат вповалку мертвецы.
Повсюду кровь и запах пота...
О, нашей родины ворота!
Сюда враги держали путь, —
Не для того ли, чтоб уснуть?
К тому ли были там готовы,
Чтоб жены плакали как вдовы,
Чтоб дети были без отцов,
Отцы остались без сынов?
Сраженье в полдень разгорелось.
С насильем в бой вступила смелость.
Был воздух оглашен стрельбой.
В разгаре бой! В разгаре бой!
На это грозное сраженье
Смотрело солнце в изумленье,
Увы, не знало и оно,
Кому торжествовать дано.
Окрашен дол кровавой краской,
Но встал стеною стан абхазский:
В нем дух отваги не погас!
Внезапно в этот жаркий час
Примчался грозный всадник с тыла.
В нем ярость коршуна бурлила.
Как вихрь, влетел во вражью рать,
Трусливых начал он топтать,
Могучих сабля рассекала,
Она как молния сверкала,
Одних он пикой сокрушал,
Других он криком оглушал,

Захватчиков добра чужого
Давил он грудью вороного,
Был знаменем для земляков,
Был пламенем для чужаков.
Друзья о нем твердили всюду:
«Подобен этот всадник чуду,
Его послал, наверно, бог,
Чтоб нам он победить помог!»

О нашей родины ворота!
Погибли здесь враги без счета,
Победой кончилась война,
Страна абхазов спасена.
Настал для войска день великий,
Веселая пальба и клики.
Ликуя, с песней боевой,
Вернулись воины домой.
Царь вышел всадникам навстречу, —
К тем, кто победой кончил сечу,
Чтобы взглянуть на храбреца,
С чьим сердцем связаны сердца.
Но кто он? И откуда родом?
Пусть скажет перед всем народом:
То учинил врагам разгром
Не Манча ли на вороном?
Отчизну спас отважный воин,
Любви и славы он достоин!
Доспехами войны звеня,
Воитель соскочил с коня,
Папаху снял при этой встрече, —
И косы хлынули на плечи.
Так это женщина была,
Как солнце вечное светла!
Воитель, кем страна гордится,
То — братьев семерых сестрица,
То — Манчи смелая жена,
То — дочь Балоу Мадина!

Перевод с абхазского Семена Липкина
"Абхазские сказания", сост. Б. Шинкуба, Абгосиздат, Сухум, 1961